

ГОРОД

18+

ДАВИД БОСС ⚡ АЛЕКСАНДР ЛИ

ПОРОКОВЪ

ПРАВОСУДИЕ
БАНДИТСКОГО
КВАРТАЛА

**Александр Ли
Давид Босс
Правосудие
бандитского квартала
Серия «Город Пороков»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11084765

Давид Босс, Александр Ли. Правосудие бандитского квартала: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81408-4

Аннотация

Мэвис Клер – проститутка из старого города, но она запросто может сойти за леди из высшего света. Она умна, образованна и очень сексуальна. И эти качества дают ей безупречное алиби: в свободное от работы время она выполняет киллерские заказы местного мафиозного синдиката. Вскоре Мэвис получает заказ на очередного клиента – немолодого и очень богатого адвоката, вставшего поперек пути местных мафиози. Подобраться к адвокату не так просто: у него неподкупная охрана, да и сам он довольно бдителен. Тогда красотка решает втереться к нему в доверие. Но вдруг происходит непостижимое...

Содержание

Новелла 1	5
Новелла 2	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Давид Босс, Александр Ли

Правосудие

бандитского квартала

© Босс Д., Ли А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Новелла 1

Все называют меня Марти-Топором, хотя на самом деле фамилия моя Ларни – Марти Ларни. Но если ты банковский налетчик и специалист по потрошению сейфов всех возможных конструкций с двадцатипятилетним стажем, то просто обречен иметь кличку. И не ты ее придумываешь. Ее придумывает сама жизнь. Меня прозвали так, поскольку приятели шутили, что я могу вскрыть сейф любым подручным предметом, даже топором. Так что, если вы подумали, будто я кровавый мясник-убийца, любящий расчленять тела своих жертв, чтобы потом разбрасывать их по разным концам нашего славного Города Пороков, то ошиблись. Такое не по мне. Я не люблю убивать без надобности и, надеюсь, в свои пятьдесят лет не изменю укоренившимся за десятилетия привычкам.

Полувековой юбилей я встречаю в тюрьме, самой гнусной тюрьме нашего штата. Носит она романтическое название «Лисьи Норы». Может, когда-то тут и водились лисы, но теперь тут обитают лишь отбросы общества, среди которых мне приходится мотать пожизненный срок, а также крысы – тут их целые полчища. Если днем они еще немного прячутся, то ночью начинается настоящий разгул. Хвостатые твари становятся подлинными хозяевами. Даже охрана боится их. Здание тюрьмы старое. Камеры расположены по кругу, вдоль

внешних стен в четыре этажа. Тут нет дверей. Охрана может видеть все, что происходит внутри, через решетки, заменяющие одну из стен. Мы видны охранникам, находящимся на посту в центре бетонного цилиндра, так же хорошо, как видны рыбы в подсвеченном аквариуме. Ничто не укроется от их глаз.

Днем решетки отодвигают, разблокировав электрические магнитные замки. И мы – сидельцы – получаем относительную свободу. Можем играть в шашки или домино в столовой, можем выйти во двор тюрьмы, где есть старые турники, качалки и баскетбольная площадка.

Заклученные делятся на банды. В основном по расовому признаку. Есть банда «белых», есть банда «черных» и есть «латиносы». Все банды смертельно враждуют между собой. Это единственное развлечение в тюрьме, которое может пощекотать нервы и дать почувствовать свою власть над другими. Ведь в «Лисьих Норах» большинство осуждено на пожизненные сроки, и выбраться отсюда им не светит.

Самое странное, что сижу я здесь за убийство ювелира, скупавшего краденое. За убийство, которого я не совершал. А вот налеты на банки, которых за мной и моими друзьями немало, так и остались за скобками. Кто-то из них и теперь здравствует, кто-то ушел в иной свет от пули копа, а кто-то, как и я, гниет в тюрьме. Как-нибудь я расскажу про это «убийство».

Я не участвую в жизни банд. Это не мое. Я всегда привык

жить своим умом, и для меня практически нет авторитетов, разве что такие же одинокие «волки», как и я сам. Нас таких в тюряге всего двое. Я и Джэкоб по кличке Апостол. Мы с ним делим одну камеру на двоих. Старик немало повидал на своем веку. Старый гангстер сидит в «Лисьих Норах» за убийство любовницы, которая сама хотела прикончить его. Бывает интересно послушать его рассуждения о женщинах. Старик слеп на правый глаз, который потерял в перестрелке с полицейскими. Вместо него у Апостола искусственный глаз – стеклянный, который то и дело вываливается из глазницы, пугая новоселов «Лисьих Нор». Но Джэкоб еще ни разу не позволил упасть своему протезу на землю. Несмотря на солидный возраст, а ему за семьдесят, он проворно ловит его.

Сегодня воскресенье. Но «Лисьи Норы» – такое место, что даже выходной день кажется мрачным донельзя. На небе тяжелые тучи, моросит дождь. Поэтому желающих сыграть в баскетбол бандой на банду не находится. Заключение меряются силой на руках, играют в шашки, шахматы. За всем этим лениво наблюдает из своего затянутого мелкой проволочной сеткой «гнезда» охрана. Такие мрачные дни чреватые бессмысленной дракой или даже бунтом. Человек должен быть занят каким-то делом, иначе у него может снести крышу. Но никогда бы вам не советовал придумывать план побега. Неблагодарное занятие, в конце которого обязательно ждет разочарование. Сколько людей уже пытались покинуть «Лисьи Норы» раньше срока! И все они возвращались на-

зад. Пытались уйти через канализацию, выехать в мусоровозе, один даже пытался улететь на самодельном дельтаплане, но при падении сломал себе позвоночник и теперь лежит парализованный.

Мы с Апостолом спокойно сидим на кирпичном выступе и ведем содержательную беседу. Джэкоб при этом перекатывает свой стеклянный глаз в ладони – он только собирается сравнить женщин с насекомыми, как через динамик объявляют, что ко мне посетитель, вернее посетительница – моя племянница. Я, конечно, удивлен, ведь никакой племянницы у меня нет и быть не может. У меня нет ни братьев, ни сестер. Во всяком случае, тех, о которых мне известно. Ни один мужчина, если он не импотент, не может быть уверен в том, что у него нет лишних детей. А мой отец любил погулять.

Единственный кровно близкий мне человек по ту сторону решетки – это мой сын Пол. Ему уже двадцать лет. Его воспитанием в основном занимались мои женщины, их было много, и сменялись они часто. Иногда в его взросление вмешивался и я. Но сами понимаете, что, угодив в тюрьму, я практически утратил с ним связь. Он посещает меня редко – раза два в год. Поближе к Рождеству и к моему дню рождения. Я слабо знаю, чем он живет. Письма писать не люблю. Даже сказанное слово – почти всегда ложь, что уж говорить о написанном. Правда заключена во взглядах, в спонтанных поступках. Все остальное – ложно по определению.

Кажется, он не сильно меня любит, а вот я люблю его, хоть и не говорю об этом. Бессонными ночами бывает приятно представить себе, чем занимается сейчас мой мальчик. Чаще всего я представляю его с девушками. В моих мечтах они лишены лиц, которые словно размыты. А вот фигурки у них стройные. Мне видится, как Пол знакомится, ведет их в кино или в бар. Они смеются, веселятся. А потом, когда он проводит их, начинается дождь, и они укрываются вместе под его курткой, целуются...

У меня нет племянницы, это точно. Сюда мог бы прийти еще Самюэль Крик, мой старый поделщик, но не стоит ему этого делать. Тогда сразу будет понятно, кто убил в ту злополучную ночь ювелира – торговца краденым. Не придет по той же причине и моя последняя любовь Одри. Правда, у нее есть и другие причины не навещать ко мне. Не все так просто в наших отношениях. Но об этом позже.

Охранник выпускает меня в небольшой дворик для встреч с посетителями. Я не из буйных заключенных, за мной нет нарушений, меня ни разу не ловили с наркотой, потому что я ее не употребляю. Благодаря этому мне и разрешают встретиться с несуществующей племянницей здесь, а не в боксах, где разговаривать приходится через переговорные трубки, а смотреть друг на друга через толстое непробиваемое стекло.

У меня нет племянницы, но она пришла. Я ищу ее взглядом среди немногочисленных посетительниц. Я же ее не знаю и могу ошибиться. Охранник, приведший меня сюда,

настораживается.

– За десять лет можно забыть многое. Я ее помню лишь десятилетней девчушкой.

Охранник улыбается.

– Жизнь проходит мимо тебя, Топор.

– Это точно замечено. Жизнь проходит мимо «Лисьих Нор». Здесь время остановилось для всех.

– Я тут бываю только на дежурствах. У меня есть дом и семья. Там я стараюсь не вспоминать о тюряге.

Узнавание затягивается. Я даже не знаю, каким именем назвалась таинственная племянница, а потому не могу позвать ее. И тут она сама приходит мне на помощь.

– Дядя Марти! – кричит молоденькая красотка и машет над головой сложенной вчетверо газетой. – Я здесь!

– Ну, вот и нашлись, – усмехается охранник.

Я подхожу к незнакомой девушке, она смотрит на меня с надеждой, словно я чем-то могу ей помочь.

– Пошли, сядем, – говорю я ей и отвожу к скамейке.

Дворик для встреч – единственное место в «Лисьих Норах», где можно увидеть зелень. Тут растут цветущие кусты. В остальном тюряга напоминает каменистую пустыню. Если и найдешь траву, то пожелтевшую, больную, несмотря на частые дожди.

Густо пахнет цветами, названия которых я не знаю. Я и в прежней жизни не сильно разбирался в них.

– Тебя хоть как зовут, племяшка? – спрашиваю я, когда

мы уже сидим рядом.

До охранника далековато, нашего разговора он не слышит.

– Лора. Лора Стэмpton, – отвечает она с грустной улыбкой и вновь смотрит на меня с надеждой.

У нее милое личико, она не белоручка – ногти хоть и аккуратно покрашенные, но не слишком длинные, да и цвет лака не кричащий, а приближенный к натуральному. Волосы заплетены в косу и аккуратно уложены. Смотрится она скромно, но я понимаю, что это обманчивое впечатление – стоит ей распустить волосы, и она преобразится, станет обворожительной, притягательной. Но только не для каждого она станет так делать, а для того, кого выберет сама.

– Ну, и почему ты решила, что ты моя племянница, Лора Стэмpton? – спрашиваю я. – Неужели в этом мире отыскались мои брат или сестра от другой матери.

– Нет, что вы, мистер Ларни, – произносит она, и ее голос журчит, словно ручеек с кристально чистой водой. – Просто мне пришлось так назваться, чтобы меня пропустили к вам.

– Тогда кем же ты мне приходишься? – интересуюсь я. В темном однообразии «Лисьих Нор» образовалась хоть какая-то человеческая интрига.

Гадать, кем приходится тебе Красотка, куда приятнее, чем пытаться угадать, всадит ли тебе во время прогулки самодельный нож под ребро какой-нибудь спятивший наркоман.

– Я невеста вашего сына, – вздыхает она.

Ну, вот и свершилось. Не зря же я представлял себе своего мальчика с девушкой. Наконец, просветилось, очертилось лицо. Вот ты какая, Лора Стэмpton. После пятидесяти уже начинаешь понимать, что жизнь не бесконечна и сделано больше, чем предстоит сделать. И очень ценишь то, что можно назвать следом в жизни. Я родил сына, возможно, Лора родит мне внука... Останавливаю свои мысли. Все может оказаться полицейской подставой. Не люблю разочаровываться.

– А почему Пол не приехал с тобой? – спрашиваю я, пытаясь погасить в себе сентиментальные нотки.

Я должен вести себя как на допросе. Любое лишнее слово может оказаться роковым. Как любят говорить сами копы, зачитывая права в то время, когда заламывают тебе руки: «Все сказанное вами может быть обращено против вас». Мой давний враг – следователь Роберт Грэй – способен и не на такое. Он до сих пор помнит обо мне, я в этом уверен. Сколько сил он положил на то, чтобы расколоть меня. Но я не сдался. И тогда он сделал все возможное, чтобы повесить на меня убийство ювелира и упечь пожизненно. Раз в год, с упорством, достойным лучшего применения, он приезжает в «Лисьи Норы» и встречается со мной. Каждый раз он предлагает мне одну и ту же сделку, от которой я отказался в самом начале. Это стало уже делом принципа – и моего, и его.

– Пол не может приехать. Он болен, лежит в больнице.

– Что-нибудь серьезное? – Я все еще не до конца доверяю

ей.

– Более чем. Ему нужна дорогостоящая операция. Триста тысяч долларов. Если ее не сделать, жить ему осталось менее года. – Лора замолкает – она не просит денег напрямую.

Что ж, это вполне может быть и подставой Роберта Грэя, он подлый тип. Для него нет святых вещей. Только ублюдок типа него может додуматься шантажировать своего врага смертельной болезнью единственного сына. Но тут я замечаю в глазах Лоры слезы, она почувствовала мою показную холодность. И слезы эти искренние. Я умею отличать притворство женщины от искренних чувств – жизнь научила этому. По большому счету, из-за того, что я не умел делать этого раньше, я и оказался здесь.

– Он умрет, если вы ему не поможете, – опускает глаза Лора Стэмптон.

– Он мог позвонить, написать, – напоминаю я.

– Он гордый – запретил и мне к вам обращаться. Но я не послушалась.

– Девочка, – говорю я. – Почему ты решила, что у меня есть такие деньги? Можешь спросить у любого заключенного или охранника, и тебе все подтвердят, что у Марти-Топора нет таких денег.

– Я знаю, что они у вас есть.

И тут она права, но как ей объяснить? Мои деньги на сохранении у старика Тони, серьезного мафиози, одного из глав Синдиката. Там полмиллиона – больше, чем надо на

операцию моему Полу. И это место надежнее швейцарского банка. Но Тони никому их не отдаст – только мне лично в руки.

– Лора. Я бы помог, но дело в том, что деньги могу получить только я и никто другой. Таковы правила у этих людей, и они через них никогда не переступят. Только я должен их взять. А я в тюрьме, и срок у меня пожизненный. Так что можешь считать, что этих денег нет.

Правда, у меня есть еще один вариант. Но он сложнее, чем забрать свои деньги у старика Тони. Тут Лора не справится, даже если она не подослана Грэм.

– Неужели все зря? – Девушка, которая в будущем может стать матерью моего внука, плачет, уже не скрывая слез, и трет кулаками глаза.

– Не реви, – прошу я. – У соседа по камере – Джэкоба-Апостола – над постелью висит плакат. Голая девушка заперта в туалете. Но она стоит ногами на унитазе и дотягивается до окошка под самым потолком. Плакат старый, ему уже лет двадцать. Вроде бы просто эротическая картинка, чтобы заключенный мог время от времени вспоминать, что в жизни существуют и женщины.

– Я не поняла, но, наверное, вы правы, мистер Ларни.

– Я тоже сначала не понял. Но потом Апостол показал мне заложенную под низ верхнюю часть плаката. Оказывается, надо всем этим надпись: «Из любого положения существует выход». Из любого, детка.

– Но вы же сами сказали...

– Ты кто такая?

– Я... – теряется Лора. Она очень мила в те моменты, когда теряется, и даже тогда, когда плачет. Хотя обычно плачущие женщины отвратительны.

– Чем ты занимаешься. Профессия у тебя есть?

– Я художница, наверное, или скульптор.

– Кто именно? Картины рисуешь? Изготавливаешь памятники на могилы?

– Не то и не другое. Я делаю из деталей старых автомобилей всякие забавные объемные композиции. Вот недавно окончила бизона.

– Это приносит деньги? – с сомнением спрашиваю я.

– Находятся чудаки, готовые украсить такой инсталляцией лужайку перед своим домом.

– Значит, ты работаешь с металлом? – Я удивлен, ведь обычно женщины предпочитают работать с более податливым материалом, например со слабохарактерными мужчинами.

– Я владею резаком, сваркой. А что здесь странного? Мой отец был автомехаником. У него даже была своя мастерская. Вот я и научилась.

– Ты хорошо умеешь варить металл?

– Для меня это так же просто, как для портного резать ножницами и сшивать материю.

– Тогда у меня есть план... – Я склоняюсь и шепчу Лоре

на ухо, она кивает.

Она уходит обнадеженная. Может, я и неправильно сделал, что пообещал. Но речь идет о жизни моего сына. На карту поставлена не моя свобода или жизнь, а его. Пол, бедный мой мальчик. Я даже не спросил у Лоры, как называется твоя болезнь. Но в ее названии для меня нет смысла, я ничего не понимаю в загадках человеческого тела, точно так же, как хирург не понимает секретов сейфовых замков. Мне достаточно знать, что триста тысяч долларов способны спасти ему жизнь. И, если я этого не сделаю, то вся моя жизнь потеряет смысл. Не останется моего следа на земле.

* * *

Уже прозвучала команда «отбой», свет в камерах погасил. Он горит лишь под самым куполом бетонного цилиндра тюремного корпуса. Свет холодный, ртутный. При таком освещении лицо Джэкоба-Апостола кажется мне мертвым. Мы, лежа на своих постелях, тихо, практически беззвучно продолжаем разговор.

– Мне кажется, ты решился бежать. – Я различаю слова в шелестящем шепоте мафиози.

– Возможно, – соглашаюсь я.

– Как, я не буду спрашивать. Это твое дело. Но запомни: есть только два способа выжить в тюрьме. Первый – смириться с тем, что ты останешься здесь до конца своих дней. Тогда

и весь мир вокруг, ограниченный высоким бетонным забором и колючей проволокой, ты станешь воспринимать адекватно. Так сделал я. Так сделал ты, попав в «Лисьи Норы». Это был наш выбор. Второй способ выжить – это ни на секунду не расставаться с мечтой о побеге. Ни на секунду. А ты изменил свой выбор. Это опасно.

– Я не могу иначе. Я должен оказаться на свободе.

– Я не спрашиваю, почему так случилось. Это снова не мое дело. Причина в женщине, ведь так?

– Нет. Не в женщине.

– Ты ошибаешься. По-другому не бывает. Мужчина меняет жизненную позицию только под влиянием женщины.

Мне приходится задуматься. Апостол по-своему прав. Мне казалось, что все сошлось на моем единственном сыне, но ведь ко мне обратился не он, а его невеста – Лора. Именно ее слезы разжалобили меня, заставили изменить принципам, которым я следовал последние десять лет.

– Я принял твои слова к сведению, Джэкоб, – говорю я.

– Тогда слушай дальше. Самки – страшные создания. Сама природа сделала их такими. Для них мы – мужчины – только жизненный материал. Они получают от нас субстанции, которые помогают им выживать. Деньги, например, положение в обществе, способность защитить их и потомство от других самцов. Причем совсем не обязательно, что потомство будет от тебя. Они способны на всякие хитрости и уловки. Не зря же Бог дал нам подсказку. Ты видел, сколько бо-

гомолов залетает в нашу тюрюгу, их в разгар сезона спаривания становится больше, чем крыс. Наблюдать за ними одно удовольствие – самка спаривается с самцом и, после того как получает от него все необходимое, просто сжирает его, чтобы получить жизненные силы. Каждая женщина поступает так же, Марти. Не забывай об этом.

Ну что мне ответить Джэкобу. Я сам не раз и не два видел такую картинку. Но у меня совсем другой случай. Я стремлюсь спасти сына. Женщина тут ни при чем – она лишь сообщила мне страшную новость. Мы желаем друг другу спокойной ночи и засыпаем.

Я просыпаюсь от страшного хрипа. Апостол лежит и корчится на полу.

– Джэкоб! – Я пытаюсь поднять его и уложить на постель, но он сопротивляется. – Я позову охрану, врача.

– Не надо, – хрипит Джэкоб. – Просто мой час пришел.

– Ты еще будешь жить, – заверяю я, бросаюсь к решетке, трясую ее и кричу: – Охрана! Врача!

– Брось, – отзывается Апостол, – черти уже пришли по мою душу и нетерпеливо ждут, чтобы доставить ее в ад. Теперь я узнаю, наконец, в каком обличье приходит смерть – в мужском или женском, а может, и в обличье самки богомола.

– Что ты такое говоришь?

– Держи. – Джэкоб вкладывает мне что-то в ладонь и сжимает пальцы. – Он поможет тебе. Он видит больше, чем настоящий. Это будет твой третий глаз, которым ты сможешь

видеть недоступное другим. Береги его.

Я разжимаю пальцы и вижу на своей ладони стеклянный глаз Апостола. Он сделан так искусно, что кажется настоящим, он смотрит на меня.

– Джэкоб, – зову я.

Но он уже не слышит меня. Веки его закрыты. Апостол всегда жил так, чтобы не доставлять мне – его единственному другу – хлопот, даже умер с закрытыми веками, чтобы мне не пришлось их опускать. Наконец появляется врач в сопровождении охраны. Но ему остается только констатировать смерть заключенного.

Вот и все, я остался один. Больше не от кого ждать совета. Единственный человек, чья жизнь для меня не пустой звук, – это мой сын Пол, дай ему Бог счастья и здоровья. А я, в свою очередь, сделаю все от меня зависящее.

* * *

Чтобы покинуть стены самой страшной тюрьги и выйти на свободу, совсем не обязательно годами по ночам копать тайные ходы, разбирать кирпичи, отделяющие вас от вентиляции, подкупать охрану или же мастерить, ничего не смысля в аэродинамике, дельтаплан, способный лишь рухнуть со стофутовой высоты. Все значительно проще.

Утром я заявляю охране, что мне необходимо попасть на прием к начальнику тюрьмы по очень важному делу. Обыч-

но охрана должна узнать, в чем причина. Но я запираюсь и говорю, что могу довериться только самому начальнику.

Чаще всего в таких случаях заключенный хочет слить кого-то из своих товарищей. То ли сообщить о готовящемся побеге, то ли заложить торговца наркотиками. В любом случае такие визиты среди сидельцев не приветствуются. Я мгновенно превращаюсь для всех без исключения заключенных в парию. Меня перестают видеть, замечать. Парни демонстративно покидают свои места во время обеда, лишь бы не оказаться со мной за одним столом. Я понимаю, увидев во время прогулки главарей всех трех банд, перешептывающихся возле качалки, что речь у них идет обо мне. Меня решают «убрать». Но так быстро это случиться не может. Нужно время на подготовку убийства. А я решил покинуть «Лисьи Норы» в самое ближайшее время и возвращаться сюда не собираюсь.

Начальник тюрьмы по-своему неплохой человек. На такой должности мог бы оказаться и большой мерзавец. Меня приводят в его кабинет. Конвоир выходит за дверь. Раньше мне никогда не доводилось здесь бывать, хотя Апостол мне и рассказывал, как тут все выглядит. На стене, за креслом начальника, висит живописное полотно, на котором изображен трехмачтовый парусник в бушующем море. В детстве начальник мечтал стать флотским офицером, но детские мечты редко сбываются. Что ж, начальник тюрьмы – тоже высокая должность.

– Присаживайся. – Хозяин кабинета указывает мне на стул.

– Благодарю вас, сэр, за то, что согласились на встречу со мной.

Когда я сажусь, то чувствую себя неудобно. У всех стульев в кабинете укорочены ножки. Сам начальник маленького роста, но хочет казаться выше, вот и придумал такой трюк. А у его кресла ножки наращены. Что ж, каждый как-то компенсирует свою ущербность. Некоторые коротышки самоутверждаются за счет женщин, считая, что, сменяя любовниц и соблазняя чужих жен, становятся в чем-то выше других мужчин. Некоторые прибегают к жестокости или насилию. Так что случай с нашим начальником еще не фатальный.

– Смотри, Топор, если ты зря потревожил меня, то тебе придется худо.

– Постараюсь не разочаровать вас, сэр. Я хочу сделать признание в совершенном преступлении.

– Ты совершил его в стенах тюрьмы?

– Нет, сэр. Это было еще на воле, за два месяца до того, как был убит ювелир.

– Был убит тобою, – уточняет начальник.

У него есть «фишка» – он помнит, за что сидит каждый заключенный. Я просто подыгрываю ему, чтобы польстить.

– Я с двумя парнями взял инкассаторский фургон, когда тот забирал наличку...

Я специально называю двух своих подельников, которые

уже отправились на тот свет. Думаю, они не в обиде на мое признание. Ведь им от него хуже не станет. Все остальное – чистая правда. Тогда мы неплохо поднялись. Про инкассаторский фургон нам сообщила моя последняя на воле женщина – несравненная Одри Марли. Она узнавала многие вещи в городе и давала нам наводку. Не знаю уж, откуда она была настолько информирована. Инкассаторы должны были забрать зарплату для докеров. Было это перед Рождеством, а потому и сумма получалась солидная.

Мы подняли тогда неплохой джекпот – взяли почти полмиллиона, а для Бэйсин-Сити это неплохие деньги. Мы были вооружены, но не убили ни одного инкассатора, лишь ранили их. В общем, ограбление прошло великолепно и по всем правилам.

– Мы тогда поделили деньги и договорились не тратить их полгода, чтобы не светиться, – сообщаю я начальнику, который внимательно слушает мои признания. – Каждый спрятал свою часть отдельно от других. Если повезет и мою долю никто до сих пор не нашел, я покажу тайник, и деньги можно будет вернуть владельцу доков, – в конце я, конечно, вру – деньги я успел потратить еще на воле. Купил тогда своей Одри Марли украшения, о которых она мечтала, причем у того самого ювелира, из-за которого оказался на пожизненном в «Лисьих Норах».

Одри Марли любила бриллианты. Наверное, любит их и теперь. В этом отношении женщины хранят постоянство. Ее

имя в своем рассказе я, конечно же, не упоминаю. Одри до сих пор жива. И, несмотря на то что она предала меня, я не собираюсь сдавать ее копам.

Начальник внимательно смотрит на меня и не «догоняет».

– Я не могу понять, – говорит он мне. – Ты ограбил фургон десять лет тому назад. Тебе вместе с плохими парнями удалось остаться неразоблаченным. Ты никогда не шел на сотрудничество с администрацией тюрьмы. Какого черта ты решил сделать признание сейчас, спустя десять лет?

Конечно, начальник тут абсолютно прав – он не понимает моих мотивов, а непонятное всегда настораживает и даже пугает.

– Все просто, сэр. – Я стараюсь быть убедительным. Не говорить же мне, что я решил сбежать, чтобы помочь сыну. – Сегодняшней ночью умер мой сосед по камере – Джэкоб-Апостол. Его смерть впечатлила меня. Он ушел из жизни, не успев покаяться в совершенных грехах. Никто не знает дня своей смерти. У меня тоже немало грехов. Вот я и решил признаться в одном из них, чтобы снять тяжесть с сердца. К тому же мне все равно мотать пожизненное за ювелира. Так что хуже уже не будет.

Начальник думает. Кажется, я убедил его. Он мне поверил. Для убедительности я кручу в пальцах последний подарок Апостола – его стеклянный всевидящий глаз. Начальник пододвигает ко мне лист бумаги и ручку.

– А теперь, Топор, изложи все это письменно, – говорит

он.

И я принимаюсь писать. Это признание должно стать «письмом счастья» для моего сына, его шансом победить смерть.

Если задаться целью, то ее можно достичь. Начальник сообщает мне, что завтра в тюрюгу ко мне придет следователь. Но до завтрашнего дня еще следует дожить. В камере оставаться опасно. Там я один, а решетка открыта. Впервые я жалею о том, что камеры не заперты днем. А потому мне нужно постоянно оставаться на виду.

Не думал, что главари банд так быстро договорятся между собой. После обеда на спортивной площадке я замечаю темнокожего громилу, который присматривается ко мне. Он недавно не сумел расплатиться за доставленные ему наркотики, а потому находится на крючке. Ему могут поручить что угодно, и он обязан выполнить порученное. Иначе его самого ждет смерть.

Громила, как я понимаю, обязан исполнить приказ главарей до отбоя. Они решили, что мне не следует дожить до утра. Ведь завтра придет следователь, и я смогу кого-то сдать копам. Что ж, они рассуждают логично. Сам бы так решил, оказавшись на их месте. Здесь, в тюрюге, никто не потребует у тебя объяснений, не поинтересуется мотивами. Тут не принято верить словам. Если ты нарушил неписаные правила, то должен понести наказание. Самому набиваться на встречу с начальником нельзя ни в коем случае.

Небо над «Лисьими Норами» затянуто тучами. Моросит мелкий дождь. Заключенные прячутся под навесами, а я, наоборот, стою посередине баскетбольной площадки и, задрвав голову, смотрю в небо. Теплые капли падают мне на лицо. Я глубоко вдыхаю влажный воздух. Он пахнет не только выжженной травой, но и свободой. Я чувствую этот запах, хотя никогда раньше не ощущал его за стенами тюрьмы.

Неподалеку от меня прогуливается и Ас – черный ворон со сломанным крылом. Его подобрал на дворе и выходил Джейкоб-Апостол. Птица не может больше летать, и жалко смотреть, как она по вечерам, когда его собратья огромной черной тучей пролетают над нашей тюрьмой, возвращаясь с городской свалки, пытается оторваться от земли.

Ас и сейчас пытается взлететь, машет крыльями, разбегается. Но самое большее, что ему удастся, – это продержаться в воздухе несколько секунд, не больше, чем курице. Бедняга. Небо уже недостижимо для него, и остаток своих дней он проведет в «Лисьих Норах», наблюдая за своими собратьями.

И тут я замечаю краем глаза, как темнокожий громила выходит из-под навеса. Он сбросил майку, демонстрируя свои накачанные мышцы. Это не человек, а машина для убийства. Правую ладонь он держит вывернутой, пальцы не сжаты в кулаки – похоже, что так он прячет самодельный нож. В тюрьме делают смертельно опасные ножи из чего угодно. В ход идут даже шариковые ручки. Можно, конечно, побежать, позвать

охрану. Но у меня есть гордость. Свои проблемы я должен решить сам. Или не решить, а уйти из жизни. Похоже, это сейчас и произойдет. У меня мало шансов против громила, которому поручили прикончить меня. Он весит раза в три больше и на голову выше. Это просто сгусток мышц.

Делаю вид, что не замечаю его приближения. Если я сумею выбить у него нож, то у меня появится хоть маленький шанс спасти жизнь.

– Эй, повернись ко мне лицом, ублюдок, – негромко произносит громила.

Все же и он хочет соблюсти кое-какие правила. Нельзя бить ножом в спину. заключенные смотрят на нас. Подобные схватки происходят не так уж часто, и это увлекательное зрелище. Я поворачиваюсь лицом к своему противнику. С десяток секунд мы смотрим друг другу в глаза. Если он убьет меня, я не смогу помочь Полу. Какой же глупой и нелепой будет моя смерть. А во взгляде темнокожего убийцы сквозит уверенность, что он с легкостью прикончит меня. Он взмахивает рукой. Мне удастся уклониться с траектории ножа. Это именно нож – я успеваю заметить между пальцев короткое лезвие, которым мой убийца хотел полоснуть меня по лицу.

Использую для спасения любую возможность – мне удастся схватить его за руку и вывернуть ее, нож падает на мокрую землю. Но это единственный мой успех. Громила хватает меня. Я понимаю, что уже не смогу вырваться из его объ-

тий. Меня хватает только на то, чтобы зацепить нападающего ногой и упасть вместе с ним на землю. Он сильнее меня, грузнее.

Никто из заключенных не вмешивается. Мой убийца обязан справиться сам. И он справляется. Темнокожий уже сидит на мне, придавив к каменистой земле всем своим весом. К нам бегут охранники с дубинками, но им не успеть. Громила заносит надо мной сжатые кулаки – он намеревается одним ударом разmozжить мне голову. Если не удастся, то времени у него еще хватит на то, чтобы сломать мне шею.

Конечно, охранник на вышке мог бы выстрелить. Но у него не снайперская винтовка. Может и промазать, попасть в меня. Зачем ему потом лишние проблемы? Я понимаю, что даже не успею в мыслях попрощаться с Полом и Лорой, которую уже успел полюбить как дочь.

Спасение иногда приходит оттуда, откуда его не ждешь. Ворон подсакивает, лопочет крыльями. Ас взлетает. Сперва мне кажется, что он просто хочет помешать громиле нанести роковой удар, лопочет крыльями перед его лицом. Но, оказывается, все куда серьезней. Птица бьет острым клювом ему в глаз и выдирает его вместе с корнем. Кровь хлещет из пустой глазницы. Мой убийца ревет, как пожарная сирена. Он даже не сопротивляется, когда охранники валят его на землю и застегивают за спиной наручники.

Заключенных разгоняют по камерам и закрывают решетки. Со двора доносятся стоны громилы – неудавшегося убий-

цы. Теперь никто не сможет зайти ко мне, чтобы отнять жизнь.

Уже темнеет, когда я слышу хлопанье крыльев. На подоконник зарешеченного окна вспорхнул Ас. Он косо смотрит на меня и кладет перед собой окровавленный глаз, принимается бить его клювом. Я не мешаю ему. Ворон имеет право делать то, что считает нужным. Разжимаю ладонь и смотрю на стеклянный глаз Апостола, а он смотрит на меня.

* * *

Утром, как и обещал начальник тюрьмы, в «Лисьи Норы» приезжает следователь. Это, конечно, не Роберт Грэй, который упек меня в тюрьму. Грэй давно уже завязал со службой в полиции. Взятки и вымогательства, откупные от наркоторговцев принесли ему совсем неплохой капитал, позволивший открыть собственное дело. Теперь он владелец самого большого в Бэйсин-Сити охранного агентства и дружен с губернатором штата.

Следователь молод и амбициозен. Он рад моему внезапному признанию, ведь сможет безо всяких усилий поставить себе в заслугу раскрытие нашумевшего преступления десятилетней давности.

– Да, – подтверждаю ему я, – золотые тогда были времена. Это теперь повсюду электронные деньги, а тогда пластиковые карточки были не в большом ходу, повсюду платили

наличными.

Одного моего признания, конечно же, мало. Всякое можно наговорить на себя. Процедура расследования требует проведения следственного эксперимента. На что я и рассчитывал. К обеду, со скованными наручниками запястьями, в полицейской машине я покидаю «Лисьи Норы». Давненько я не видел эту тюрюгу с другой стороны высокого забора с колючей проволокой поверху. Снаружи, должен признаться, смотрится она не так грозно и мрачно. Надеюсь, что мне больше не придется сюда возвращаться, если, конечно, Лора сделает все так, как я ей сказал. Ну, и еще чуточку везения мне не помешает. На всякий случай мысленно произношу: «Прощайте, «Лисьи Норы»!»

Вот и южный пригород нашего славного Города Пороков. Десять лет я уже не гулял по этим улицам, не сидел в здешних барах. Не спал с проститутками. Многое здесь изменилось, но узнать можно. Вот в этом баре мы с Самюэлем и Одри праздновали удачное взятие налички в банковском фургоне. Ох, и напилась же тогда Одри. Мне пришлось буквально нести ее на руках. Но она осталась верной себе. Лишь только мы оказались дома, она набросилась на меня, как изголодавшаяся по сексу сучка. Одри любила и умела трахаться – этого у нее не отнять. Думаю, любит и теперь. В этом смысле она сумасшедшая. Одри никогда не ждала, если ей приспичит. Мы и познакомились с ней в такой момент. Просто встретились взглядами на улице, и я понял, что она «хо-

чет». Хватило всего пары моих и ее слов, чтобы мы оказались в подворотне. Она задрала юбку и обхватила меня ногами. Помню как сейчас – на ней и трусиков не было, чтобы не терять зря время. Потом мы еще трахались и в заброшенных домах, и под мостом среди бела дня, и на ночном пляже, и на лавочке в парке. Я прикипел к ней, а она прикипела ко мне. Но Пол ее невзлюбил. Как-то, когда мы забавлялись с ней ночью на кухне, он вышел из своей комнаты. Оказалось, что он наблюдал за нами долго, прежде чем мы его заметили. Одри умела делать так, что я забывал обо всем на свете. Конечно, мальчишке не стоило этого видеть.

Мои воспоминания прервал следователь. Мы приехали на место преступления. Банк совсем не изменился, даже вывеска на нем прежняя. Для банка главное – постоянство, тогда люди и несут в него деньги. Меня сковывают наручниками с худосочным сержантом. Я бы легко мог взвалить его на плечо и побежать. Но далеко бы я не ушел. За мной присматривают двое вооруженных дробовиками полицейских.

Вход в банк предусмотрительно огорожен полицейской ленточкой. На тротуаре толпятся любопытные. Конечно, им интересно послушать мои воспоминания, из первых уст узнать, как и что происходило десять лет тому назад на этом месте. В свое время о нашем ограблении по Бэйсин-Сити ходили легенды. Чего только люди не рассказывали. Что ж, зевакам сегодня повезло, они не только узнают историю ограбления, но и станут свидетелями самого дерзкого побега, ка-

кой только совершал заключенный.

Следователь просит показать, куда мы припарковали машину.

– Мой поделщик – Самюэль Крик – был за рулем, – охотно рассказываю я. – Я сидел рядом с ним. Дик, не могу вспомнить его фамилию, на заднем сиденье. Машину поставили у пожарного гидранта, чтобы хорошо видеть, когда приедет банковский броневик и инкассаторы вынесут деньги в мешках. Натянули на головы капроновые чулки и стали ждать.

Следователь внимательно слушает, кивает, задает вопросы. Я отвечаю, скрывать мне нечего. Про Одри я не упоминал, Самюэля уже давно нет в живых. Чулки мы позаимствовали именно у Одри, она сама их нам предложила, но о происхождении чулок можно тоже не говорить.

– Броневик остановился вот тут. – Я тяну за собой сержанта, он прикован ко мне наручниками и вынужден следовать за мной. – Когда вышли инкассаторы с двумя мешками денег, мы выскочили из машины. Самюэль должен был забрать деньги, а я держать парней на прицеле. Мы выстрелили сразу, ранив инкассаторов в ноги.

– Откуда вы стреляли? – спрашивает следователь.

– Самюэль стрелял отсюда, – показываю я. – А я стоял вот тут.

Я веду за собой худосочного сержанта. Все мое тело напряжено. Сейчас должно случиться то, ради чего я оказался

на прежнем месте через десять лет. Зеваки наблюдают за нами, перешептываются. Я слышу, как какая-то женщина говорит своему мужу:

– Повезло тогда парням. Кучу денег подняли, и их никто не поймал...

Я вижу, как приподнимается и стремительно отходит в сторону люк на проезжей части. Лора сделала именно так, как я сказал. Мне остается только прыгнуть в открывшееся широкое отверстие, увлекая за собой ошарашенного сержанта.

Мы летим и падаем на заботливо расставленные картонные коробки, совсем как трюкачи на съемках фильма. Светлый круг над нашими головами, в котором виднеется небо, закрывается так, как это происходит во время солнечного затмения. Колодец погружается в темноту, но ненадолго. Вверху вспыхивает фонарь и слышится голос Лоры:

– Вы в порядке, мистер Ларни?

– Кажется, да.

Лора светит на меня и на прикованного ко мне сержанта фонарем и прыгает к нам на картонные ящики. Сержанта я не опасаюсь. Во-первых, он не вооружен, а во-вторых, настолько ошарашен произошедшим, что потерял всякую волю к сопротивлению, и, кажется, еще не понял, что с ним случилось. Просто сидит и хлопает глазами. Я бью его кулаком по голове. Мне нужно всего лишь оглушить его на время, чтобы не мешал. Удар у меня выверенный. Не сильнее и не

слабее, чем нужно для того, чтобы человек его комплекции отключился.

Лора ковыряется отмычкой в наручниках.

– Дай я сам, – забираю у нее отмычку.

Открыть наручники – это самое простое, что можно сделать. Теперь руки мои свободны.

– Бежим, – шепчет Лора.

Наверху слышно, как ковыряют люк, пытаюсь его чем-то поддеть, скрежещет металл. Но если Лора сделала все так, как я сказал, то им не удастся сковырнуть его. Люк надежно закреплен специально приваренной к нему защелкой. Тут без газового резака не обойтись. Вот только где копы его возьмут? Пока догадаются вызвать спасателей, пока те придут – мы с Лорой будем уже в безопасном месте. Можно даже особо не спешить.

Оставляем полицейского лежать на смятых картонках и, пригнувшись, идем по низкому тоннелю ливневой канализации. Построен он был давно и основательно. Это теперь их делают из железобетонных труб, по которым только на коленях, ползком и проберешься. А этот выложен из тесаного камня, свод футов восемь высотой. Посередине течет вода, а мы двигаемся по узкому подобию тротуара. Перед нами пищат и разбегаются крысы, прыгают в зловонную воду, плывут.

Лора молодец, она не боится этих тварей, даже сшибает ногой одну обнаглевшую крысу с нашего пути. Лора идет

первой, я за ней. Только она знает дорогу. Тоннель разветвляется, к нему постоянно примыкают другие. Теперь, даже если копам удастся спуститься в канализацию, то черта с два они отыщут нас. Под городом целый лабиринт ливневой канализации.

Мой побег удался. Представляю, как теперь будут о нем судачить жители Бэйсин-Сити. Какими живописными подробностями он обрстет. Если бы я стремился стать знаменитостью, то уже достиг бы цели. Но у меня совсем другие планы. Я должен спасти сына.

Мы выбираемся из-под земли во дворе заброшенного дома. Его готовят к сносу. У стены стоит автомобиль со слегка помятым левым крылом.

– Это мой, – говорит Лора и в избытке чувств вешается мне на шею. – Я так рада, что нам все удалось, – шепчет она.

– И я рад, что тебе все удалось, ты хорошая сварщица. Как-нибудь покажешь мне парочку твоих произведений.

– Я даже подарю вам одно. Я придумала нового бизона из старых автозапчастей.

– У меня нет своего дома, чтобы поставить его на лужайке, – напоминаю я.

– В машине лежит новая одежда. Вам надо переодеться.

Какая же она заботливая. Не забывает даже о таких мелочах. Лора отворачивается, а я переодеваюсь. Моя старая одежда пахнет тюрягой. Это не просто запах пота, не просто грязь. Это именно запах тюряги. Но теперь я свободный че-

ловек и с удовольствием расстаюсь со своей прежней одеждой, как змея расстается со старой кожей. Скомкав вещи, я бросаю их в выбитое окно аварийного дома. Может, пригодятся какому-нибудь бездомному.

Я бы с радостью поехал сейчас прямо к Полу. Я не видел его уже полгода. Заглянул бы ему в глаза. Но мне нельзя туда. В первую очередь меня будут искать именно там. Я еще не скоро смогу увидеть своего мальчика.

– Как там Пол? – спрашиваю я, когда Лора садится за руль.

– Нормально, держится. Я не говорила ему о том, что мы готовим.

– Почему? Ты боялась, что он проговорится?

– Нет, я не хотела его зря обнадеживать. Разочаровываться – это очень больно, особенно когда на кону жизнь.

И она права. Я сам до последнего момента не был уверен в успехе. Но когда замышляешь благое дело, то везение само приходит тебе на помощь. И моя теперешняя свобода тому подтверждение. Теперь дело стало за малым. Мы едем к Тони. Конечно, он не сможет отдать мне всю сумму сразу за сегодняшний день. Но денег на операцию должно хватить. Старик обычно в это время в своем «офисе». Тони, как мафиози старой закалки, – человек привычки. Он должен оказаться на месте. Ведь мне сегодня везет.

Лора управляет машиной, я подсказываю дорогу. «Офис» Тони – это здание на набережной без всяких вывесок. Попасть туда можно лишь через одну дверь, которая хорошо

укреплена.

– Жди меня здесь, – говорю я Лоре.

Последний квартал лучше пройти пешком. Незачем, чтобы Лору видели возле «офиса». И вот я стою на крыльце, вдавливаю кнопку переговорного устройства. Я заранее знаю, что мне никто не ответит. Тут свои порядки. На меня смотрит объектив телекамеры. Пускают только тех, кого Тони знает лично и без всяких разговоров. Старик не должен был меня забыть, у него хорошая память. К тому же у него мои деньги, а это святое.

Я ждал не так уж и долго, хотя мне показалось, что ожидание растянулось на долгие минуты. Щелкает электрический замок, совсем как в камере, когда открывают или закрывают решетку.

Я часто дышу, поднимаясь по лестнице на второй этаж, – волнуюсь. Хотя, казалось бы, почему? Чего мне беспокоиться? Тони узнал меня, раз впустил. Сейчас все и решится. Я получу свои деньги, которые нужны, чтобы спасти сына. Я слышу, как внизу вновь щелкает электрический замок – дверь закрыта. Теперь, даже если за мной придут копы, они не сразу попадут внутрь, а у старого Тони всегда найдется запасной выход на случай форс-мажора...

Я толкаю открытую дверь кабинета. Нет, мое везение на сегодня исчерпалось. Надо было это предвидеть. Вместо Тони за его столом развалился в кресле Роберт Грэй собственной персоной. Вот уж кого меньше всего я хотел увидеть. Те-

перь мне конец. Он не отпустит меня просто так – вытащит из меня то, что ему нужно. Двое амбалов из его охранного агентства целятся в меня из пистолетов. Их бесцветные глаза говорят лишь об одном, что парни готовы в любой момент изрешетить меня.

– Поздравляю с удачным побегом, – с гнусной улыбкой произносит бывший следователь. – Ты все хорошо продумал. Только не учел того, что я пойму и просчитаю все твои ходы наперед. Я знал, что сразу же отправишься к Тони за своими деньгами. Ты предсказуем, Топор, а это плохая черта для банковского налетчика.

Он знает, что пришел я за деньгами, значит – знает и о болезни моего сына. Вот урод. Мне сложно будет разойтись с ним по жизни. Он – моя кара.

– Где Тони? – спрашиваю я. Не мог же он его убить, Синдикат такого не прощает.

– Тони жив и здоров, если ты думаешь, что я сошел с ума. У него просто небольшие неприятности. Одна несовершеннолетняя проститутка обвиняет его в изнасиловании. Чушь, конечно, собачья. Но почему-то судья постановил задержать Тони и поместил его под арест. А малолетняя проститутка проходит по программе охраны свидетелей. Судья так обнаглел, что даже не согласен отпустить такого уважаемого в городе человека под залог. Представляешь? Иногда такое случается в Бэйсин-Сити. Судья даже от взяток отказывается. Так что на встречу с Тони в ближайшее время можешь не

рассчитывать.

Я, конечно же, понимаю, что все это подстроил сам Роберт – с его связями и дружбой с губернатором штата можно проделывать и не такие вещи.

Роберт кладет перед собой на стол пистолет, пальцы сжаты на рукоятке.

– Выйдите, – говорит он амбалам.

Дальнейший разговор не для их ушей. У нас с мерзавцем Грэем есть общая тайна. Вечный спор, который не имеет разрешения. Вооруженные пистолетами холуи Грэя покидают помещение. Мы остаемся наедине.

– Где бриллиант? Ты отдашь его мне и можешь быть свободен. Встретишься с Тони, которого выпустят под залог, и получишь от него свои деньги. Садись, не маячь.

– Я лучше постою, – говорю я.

Вроде у Грэя с логикой все в порядке. Я отдаю ему бриллиант стоимостью в полтора миллиона, а он делает так, что Тони выходит под залог. Я получу свои деньги и спасу Пола. Отдать бриллиант – вполне справедливое требование. Он мне не принадлежит. Так в чем тогда вопрос?

Все складно только на словах. Стоит мне отдать чертов бриллиант Грэю, как он уж точно не оставит меня в живых. Я еще не на том свете лишь потому, что знаю, где он. Вернее будет сказать – Грэй думает, будто я знаю. Стоит мне умереть, и мои знания уйдут вместе со мной. Ведь бриллиант и ему не принадлежит. Он краденый.

– Ну, так как? Мы договорились? – интересуется Роберт. – Или ты недостаточно любишь своего единственного сына, чтобы поступиться ради его жизни дурацкими принципами?

Урод, ублюдок, конченный мерзавец. Он еще шантажирует меня Полом. Пытается давить на меня. Для него нет ничего святого.

– Я же сто раз говорил тебе, что его у меня нет. Где он, я не знаю.

– И я сто раз тебе не верил. Не верю и в сто пятый. Если бы бриллиант был не у тебя, он бы уже где-нибудь «всплыл». Такой экземпляр никто не станет резать на части, чтобы сделать из него несколько камешков и уменьшить стоимость в несколько раз. Он у тебя. Пожалей сына.

Хороший совет, если только знаешь, как им воспользоваться.

– Я должен подумать, – говорю я, расхаживая по кабинету.

– Только недолго. Выбора-то у тебя нет. Будешь упираться, я снова отправлю тебя в «Лисьи Норы». Но теперь там за тобой станут следить куда как пристальнее. Убежать тебе не удастся.

И тут он прав, это в его силах. Конечно же, я и в мыслях не допускаю пойти с ним на сделку. Мне нельзя погибать от рук его головорезов. Я нужен Полу. Окно в кабинете открыто, но выпрыгнуть из него нельзя, слишком высоко. Тут хоть и второй этаж, но проезд вдоль набережной проходит в выемке. Приземлишься на бетон – минимум сломаешь ногу.

– Ну что, надумал? – вполне весело спрашивает Роберт.

Он уверен, что я полностью в его власти, что у меня нет выхода. В этом он прав. Но не зря же висел, да и теперь висит возле кровати Апостола плакат со спрятанной надписью: «Из любого положения имеется выход». Из любого! Неужели мое везение в самом деле исчерпалось и его хватило лишь на удачный побег? Лора с нетерпением ждет меня. А разочаровываться всегда очень больно, особенно если дело касается жизни и смерти близкого тебе человека.

Грэй редкостная скотина, он напоминает:

– Ты вспомни о сыне, и все встанет на свои места.

Будто я не думаю о Поле каждую секунду, каждое мгновение.

– Это непростое решение, – тяну я время.

– Я и не говорю об этом. Но все зависит от тебя.

Только чудо может меня спасти, только чудо... И оно случается – я вижу, как вдоль набережной ползет строительный самосвал, под завязку загруженный песком. Неужели таки Бог услышал мои молитвы?

– Достань лист бумаги и ручку, чтобы я мог нарисовать, где искать бриллиант, – говорю я, чтобы на время отвлечь Роберта Грэя.

Он в чужом кабинете и не знает, где что лежит. Да и Тони, думаю, запирает ящики стола на ключ. Так и есть. Роберт дергает запертый ящик, шарит по столешнице. Я выигрываю нужное мне время.

Самосвал ползет уже под самыми окнами. Я перемахиваю через подоконник и лечу вниз. Главное – не удариться о край стального кузова. Грэй с перекошенной от гнева рожей уже в окне, он палит в меня из пистолета, но вовремя спохватывается. Убить меня он мог и раньше, я ему нужен живым. Я для него не Марти Ларни по прозвищу Топор, а тот самый драгоценный алмаз, на котором он вот уже десять лет зациклен.

Самосвал медленно движется по проезду. Куда же он направляется? Скорее всего, к стройке. На насыпном островке возводят ресторан. Мне с самосвалом не по дороге. С островка, к которому ведет узкая перемычка, мне некуда будет деться. Хорошо, что скорость небольшая. Я соскакиваю на ходу. Грузовик сворачивает к стройке, а я мчусь что есть сил вдоль набережной. Впереди мост, под ним я смогу запутать след, скрыться. Лишь бы успеть добежать.

Урча мотором, из-за офиса Тони выныривает лимузин. Он длинный. Сверкает лаком. Фары его хищно горят. Машина набирает скорость, мчится за мной. Я и так бегу на пределе своих возможностей. В тюрьге я каждый день тренировался. А что мне еще оставалось? Но тренировался не в беге. У меня перехватывает дыхание, ломит в боку. Мне бы остановиться, перевести дыхание или хотя бы перейти на шаг. Ага, перейдешь, если тебя преследуют на машине, а скрыться негде. Впереди проезд перегораживают декоративные бетонные кашпо. Когда-то в них, наверное, росли цветы, но теперь горожане решили использовать их как мусорницы.

Я перепрыгиваю через одно из этих архитектурных уродств и мчу дальше, ближе к мосту. Лимузин утыкается бампером в цветочницы. Дальше ему не проехать. Надо отдать должное Грэю. Несмотря на свой возраст, он не собирается перекладывать ответственность за погоню исключительно на своих молодых ушлепков. Он бросается догонять меня сам. Бегаёт он неплохо. Ушлепки еле успевают за ним. Наверное, Грэй бережет здоровье и каждое утро бегаёт в парке.

Под ногами – усыпанное намытым дождями песком и камешками бетонное покрытие. Поблескивают осколки стекла. Под опорой моста сидит немолодая цыганка, возле нее крутится босоногая девчушка. Она некоторое время бежит возле меня и кланчит деньги, будто у меня есть время остановиться. Девчонка-вымогательница бросается к Грэю и кланчит теперь у него. Он посылает ее словами, которые не стоило бы слышать детям. Маленькая цыганка отвечает ему в том же духе и посылает вслед страшные проклятия. Дай-то бог, чтобы они сбылись. Тогда Грэю придется долго-долго помучиться перед смертью.

Но я не учел, что проклятия прозвучали безадресно, так что из-за ошибки в «небесной канцелярии» они обрушились и реализовались на мне. Я споткнулся и упал, врезавшись в бетон челюстью. Кости остались целы – они у меня крепкие. Несмотря на то что мне приходилось не раз драться, до сих пор ни одного перелома.

Но я не успеваю подняться. Первым ко мне подлетает Грэй. Я опять не успеваю – на этот раз схватить его за ногу, – а потому получаю удар ботинком в бок, от которого чуть не разрывается моя измученная бегом селезенка.

– Это тебе за то, что заставил меня бегать, – приговаривает Роберт, нанося удар за ударом.

Его холуи тем временем зорко следят, чтобы я не поднялся и не причинил их боссу вреда. Мне остается только прикрывать голову руками и ждать, когда из Роберта выйдет весь запал. Наконец он звучно плюет. Правда, не на меня, а на бетон.

– Ты сам на это нарвался, – произносит он. – Все можно было решить по-хорошему. Лишь зря тратишь время и здоровье. Бриллиант будет моим. Я умею убеждать упертых.

– Я ничего не знаю про бриллиант, это ты зря тратишь время и силы.

– Это мы еще посмотрим, – обещает мне Грэй. – Как там сказано в Писании? «И живые позавидуют мертвым». Вот что тебя ждет впереди. Волоките его в машину.

Здоровяки не несут и даже не тащат, а именно волокут меня к машине, ухватив за ноги. Мне с трудом удается удерживать голову над шершавым бетоном. Не удержишь – слезет скальп. Хорошо еще, что подхватили меня лицом к небу. В этой позиции голову особо не задерешь.

Маленькая цыганка пристраивается рядом с нами и вновь принимается клянчить. Начинаю верить в то, что ее прокля-

тия имеют тенденцию сбываться. Со мной происходит и, скорее всего, произойдет именно то, что она говорила. Вот бы она выдала еще одну серию забористых ругательств, от которых даже у меня, просидевшего десяток лет в самой гнусной тюрьме штата, вянут уши. И адресованы они будут уже не мне, а Роберту. С меня в таком положении взять нечего. Но Грэй, наверное, чувствует то же самое, потому останавливается и бросает на пыльный бетон несколько монет.

Кричать, звать на помощь бесполезно. Во-первых, рядом никого нет, если не считать цыганки и ее девчухи. Во-вторых, меня уже наверняка ищет вся полиция Бэйсин-Сити. В-третьих, в Городе Пороков не принято обращать внимание на крики о помощи. Спаситель легко может превратиться в жертву.

Меня доволакивают до лимузина и забрасывают в багажник. Крышка закрывается. Я в полной темноте. Машина катит по разбитому строительной техникой проезду. Куда меня везут? Это уже не так важно. Пока я всецело в руках Грэя и его ублюдков. Единственное утешение в том, что я ему нужен только живым. Но есть масса способов заставить живого человека говорить. Можно пытаться его, укорачивать его члены... Не зря же Роберт сказал, что живые позавидуют мертвым. Не о себе же он говорил.

Злосчастный бриллиант. Кто же знал, что с него начнутся все мои несчастья. А дело было так. После удачного взятия инкассаторского броневика с наличкой я неосторожно

обмолвился при Одри о ювелире, скупающем краденые драгоценности, и даже повел ее туда купить ей обещанные украшения. У него была лавка на первом этаже на Дагон-стрит. Квартира располагалась этажом выше. Ювелирная лавка, конечно же, являлась по большей части ширмой, за которой он проворачивал свои дела. Одри загорелась идеей. Она, не спросив моего согласия, втерлась к ювелиру в доверие, и тот взял ее на работу продавщицей. Что ж, это был логичный шаг с его стороны – красота Одри просто магнитом притягивала мужчин-покупателей.

Когда я узнал о новом месте работы моей подружки, то потребовал от нее уйти из лавки, справедливо подозревая, что она или уже начала трахаться с этим жирным скупщиком краденого, или вскоре начнет. Но у Одри уже был план. Она не стала скрывать от меня, что спит с ювелиром, но делает она это исключительно ради реализации своего плана, который и озвучила на собрании нашей небольшой банды. В нее, кроме меня и Одри, входил еще покойный Самюэль, чьи останки лежат на Первом городском кладбище. План, предложенный Одри, был прост и легко осуществим. Подозрительный ювелир никогда не доверял никому ключи. Он даже засыпал с ними, продев в кольцо связки указательный палец. Но Одри иногда оставалась с ним на ночь. Моя подружка обещала затрахать ювелира до полного истощения сил. И, когда он уснет, открыть нам лавку. Мы с Самюэлем подчистили бы в ней все и ушли вместе с Одри.

Конечно, не очень приятно осознавать, что твоя женщина трахается с другим. Но Одри сама была согласна на это. К тому же что произошло, то произошло. Назад этого уже не открутишь. Ну, а разом больше, разом меньше – это уже не существенно. Карты нам смешал тот самый чертов бриллиант. Одри видела, как его отдали ювелиру на оценку. В лавке он должен был пробыть только одну ночь. Утром заказчик пришел бы его забрать. Бриллиант был большой, огромной ценности. Не знаю, кто и где его украл. А может, и не крали, ведь его принесли на оценку. Одри не хотела упускать такой шанс. Поэтому пришлось действовать впопыхах, толком не подготовившись. Бриллиант на ночь ювелир положил в сейф на первом этаже. Об этом мне успела шепнуть Одри незадолго до закрытия лавки.

Она впустила нас в самый разгар ночи. Всклобоченная, даже не причесанная, она сказала, что ювелир спит мертвецким сном, мол, постаралась на совесть, да вдобавок насыпала ему в пиво снотворного. Я стал ковыряться с сейфом. Одри подчищала витрины, но там была всякая мелочь, с которой не стоило бы и возиться. Самюэль стоял у двери с пистолетом. На случай, если кто-то появится на улице. На чертовых окнах не было роллет, и блеск наших фонариков можно было увидеть снаружи.

Не знаю, то ли Одри была не в ударе, то ли у ювелира была невосприимчивость к снотворному, но он внезапно появился в лавке, спустившись со второго этажа. В руке он держал

пистолет. Он долго не думал и сразу оценил ситуацию абсолютно трезво, нажав на спуск. Пуля попала мне в живот. Следом выстрелил Самюэль. Мы не планировали убивать – так получилось. Его пушка прогрохотала так, что слышно было, наверное, на другом конце Дагон-стрит. Последними словами ювелира, обращенными к Одри, были: «Дрянь, я успел вызвать полицию». И это было правдой. И Одри оказалась дрянью, и полицию он успел вызвать. Ему даже не пришлось звонить – в спальне была установлена тревожная кнопка. Я оказался в безвыходном положении. Раненный в живот, сидел под так и не открытым сейфом. Полиция должна была приехать с минуты на минуту. Наша машина стояла далеко, мы не хотели светиться. А дотащить меня Одри с Самюэлем не успели бы. Им следовало поспешить...

Когда копы приехали с Робертом Грэм, они застали меня одного под запертым сейфом. Но когда Грэй открыл его ключами ювелира, бриллианта там не оказалось. Он откуда-то знал, что бриллиант должен там быть. Битый час он пугал меня. Не вызывал врачей. Говорил, что я схохну, если не скажу ему, куда подевался бриллиант стоимостью в полтора миллиона долларов. Но я так и не раскололся, твердил, что забрался в лавку один, ни о каком бриллианте не знаю, просто хотел обчистить сейф. Все же Грэй вызвал «Скорую», иначе бы он потерял единственную возможность заполучить бриллиант в свои руки. Врачи вытащили меня с того света. Ну, а потом был суд и «Лисьи Норы». Вот уже десять лет тянется

противостояние с Грэм. Будь он неладен, чертов бриллиант, на который мы польстились с подачи Одри...

Лимузин резко останавливается. Меня бьет головой о канистру с бензином. Как же она воняла всю дорогу. Крышка багажника открывается. Вижу я не много, но и этого достаточно, чтобы понять, где я оказался. Это задворки турецкой бани, которую возвели и открыли незадолго до моей посадки. Дорогое заведение, куда богатые любят привозить проституток. Тут есть все для развлечения. И отдельные номера, и бассейн с гейзерами. Сам-то я был здесь только один раз вместе с Одри, теперь придется побывать еще.

Меня вытаскивают из багажника, как хлам, и волокут через служебную дверь. Холуи Грэя тащат меня по лестнице вниз. Мы оказываемся в мрачном помещении. С потолка капает вода, ее полно и на полу. Посреди комнаты стоят несколько столов, сколоченных из досок, и какие-то старые электрические приспособления с витыми проводами – они вполне могли бы быть музейными экспонатами. Меня ставят на ноги, я стою, шатаюсь.

– Раздевайся. Догола, – командует мне Грэй.

Я не спрашиваю зачем. В моем положении не стоит задавать вопросы. Неторопливо раздеваюсь. Одежду бросаю на старый стул. Помещение очень странное. В стене круглое окно-иллюминатор. Оно выходит, похоже, в бассейн – прямо под воду. За ним то и дело мелькают обнаженные женские тела. Но мне не до того, чтобы любоваться красотками. Меня

голого хватают и бросают на деревянный стол. Ноги, руки и шею туго притягивают кожаными ремнями. Грэй собственноручно цепляет мне на пальцы ног прищепки электрических контактов.

– Сейчас ты у меня заговоришь, – с угрозой заявляет он.

Роберт подходит к электрическому пульту. Оборудование для пыток древнее – сохранилось, вероятно, со времен Аль Капоне. Но оно действенное. Сперва я ощущаю на кончиках пальцев пощипывание, но потом, когда Грэй поворачивает ручку реостата, оно переходит в невыносимую боль. Пальцы ног очень чувствительны.

– Где бриллиант? – спрашивает бывший следователь.

Я молчу. Так повторяется несколько раз. Если бы не Пол, из-за которого мне нужно оставаться в живых, пока не смогу раздобыть денег ему на лечение, я бы сказал все, что знаю и не знаю, чтобы только остановить мучения. И черт с ней, с этой земной жизнью, не так уж она прекрасна.

– Молчишь? – кривит губы Грэй и снова включает свою адскую машинку.

Меня сотрясают разряды тока, глаза вылезают из орбит. Я вижу, как между пальцами у меня проскакивают искры. Воздух наполняет запах сожженной плоти. Еще немного, и Грэй испепелит меня в самом прямом смысле этого слова. Но я держусь, правда, теряю сознание.

Наверно, меня облили ледяной водой. Я лежу голый, мокрый.

– Немного отдохнешь, и мы продолжим, – обещает Грэй.

Своих холуев он выставил за дверь. Наверно, уверен, что
я сейчас расколуюсь. Роберт держит в руках прищепки кон-
тактов. Они похожи на двух крокодильчиков, готовых вце-
питься в мою плоть.

– Один из них я прицеплю сейчас к твоему члену, а вто-
рой воткну в задницу, – говорит Грэй. – Знаешь, что тогда
произойдет? У тебя сгорят внутренности, но ты останешься
жив.

Не сомневаюсь, что он это сделает.

– Не дури. Ты убьешь меня этим. Я мокрый, вокруг вода.
Не надо шутить с электричеством.

Роберт озадачен. Не каждый раз ему приходится пытаться
собственноручно, а физику он знает слабо.

– Хорошо, что предупредил, – усмехается он. – Но не ду-
май, что тебе будет легче. У меня есть еще масса способов.

Он набирает номер телефона, кому-то звонит.

– Кабан, зайди вниз, – бросает он в трубку.

Тот, кого он назвал Кабаном, не заставляет себя ждать. В
помещение спускается грузный полуголый турок, который,
похоже, работает в банях массажистом.

– Займись им, – кивает Роберт на меня. – Помассируй его
так, как ты это умеешь. Ты должен содрать с него кожу, если
он не заговорит. Как только он скажет, что ему есть что мне
сказать, останавливайся. – А затем он обращается ко мне: –
Слышишь, Марти-Топор. Все зависит только от тебя.

Грэй усаживается на стул и постукивает пальцами по колену. Кабан принимается за работу. Он трет меня сухой шершавой тряпкой. Так и в самом деле можно расстаться с кожей. Начинает саднить, сочится кровь.

Турок склоняется надо мной и шепчет:

– Он назвал тебя Марти-Топором?

– А что? – шепотом, хоть мне хочется кричать от боли, спрашиваю я.

– Это ты тот парень, который убежал сегодня от копов в канализацию?

Оказывается, есть польза от того, что ты знаменитость.

– Да, это я.

– Тогда ударь меня поубедительнее и беги.

Я чувствую, как ремни у меня на руках расстегиваются, хотя турок ни на секунду не прерывает свой ужасный массаж. Как это у него получается – ума не приложу. Упрашивать меня не надо. Я бью его от души в ухо. Оглушенный, он сползает на пол. Я молниеносно расстегиваю ремни на ногах. Роберт даже не успевает подняться, и я бью его ногой в лицо. Была бы на мне обувь, удар получился бы более эффективным, но и голой пятки хватает, чтобы Грэй опрокинулся вместе со стулом и ударился головой о бетонный пол. Неплохо бы было его прикончить, но на это нет времени. Заслышав возню, в дверь заглядывает один из холуев. Хватаю его и бросаю на электрический пульт. Летят искры, валит дым, пахнет горелой изоляцией. Спешу последовать совету своего спасителя

по кличке Кабан. Хватаю то, что попадаетея мне в руки из одежды, и выскакиваю в коридор. Второго холуя не наблюдается. Наверное, отошел. Оно и к лучшему – не люблю насилия.

Я, наверное, выбрал неправильный путь. Вместо того чтобы очутиться на улице, я через железную дверь, предназначенную для персонала, вваливаюсь в помещение, наполненное паром. Он стелется возле пола, как и положено в турецкой бане. Я вижу голые женские тела. Дамы смотрят на меня в недоумении. Но пока не кричат, не визжат. И это хорошо. Я пробираюсь дальше. Тут настоящий лабиринт. Оказываюсь в прохладном, или мне так кажется после парилки, коридоре. Тут уже нет пара, все видно. Две немолодые женщины, завидев мое обнаженное тело, принимаются визжать так, словно я собираюсь их зарезать. Наверное, если бы я сделал вид, что собираюсь их изнасиловать, они визжали бы значительно тише. А мне всего-то следует выбратсья на улицу.

Издалека я уже слышу шум. Наверняка Грэй и его холуи уже бросились искать меня. Надо как можно быстрее выбратсья отсюда. Не хочется вновь оказаться на столе. Роберт тогда уж точно приставит один из электродов к моему члену. А мой дружок может мне еще неплохо пригодиться, ведь я на воле.

Дамы визжат, разбегаясь от меня, словно я прокаженный.
– Я не хочу вам зла, – кричу я. – Мне просто нужно выбратсья на улицу.

Наконец до одной из девушек доходит. Она, прикрывая одной рукой поросль между ног, показывает мне свободной рукой направление:

– Вам туда.

– Спасибо, милая, – бросаю я и бегу по коридору.

На этот раз Бог на моей стороне, меня не обманули. Я оказываюсь на улице. Это, конечно, не то место, где я мечтал очутиться. Я стою на улице абсолютно голый. Прохожие пялятся на меня. Машины сигналият. Одеваться на людной улице не стоит. Я пускаюсь бежать и сворачиваю в парк. Он еще не приведен в должное состояние. Тут проложены дорожки, возле них высятся поддоны с плиткой. В глубине я вижу еще не прореженные заросли.

Естественно, мне туда. Я забираюсь на дерево, устраиваюсь в его ветвях. Почему-то мне кажется, что люди Грэя никогда не додумаются меня там искать. Наконец я могу перевести дыхание. Взял из одежды я немного. Брюки и рубашку. Но этого достаточно, чтобы скрыть свою наготу. Одеваюсь. В кармане рубашки нащупываю стеклянный глаз Апостола. Может, это он спас меня сегодня? Кто знает? Засыпаю, притаившись в ветвях. Темнота прячет меня. Даже не знаю, прошли подо мной люди Грэя или нет.

* * *

Я проспал долго или очень долго. Солнце уже перевалило

через зенит. Оно еле угадывается через низкие облака, нависшие над городом. Я нащупываю в кармане рубашки стеклянный глаз Апостола. Моего последнего друга на этой земле. У меня уже тот возраст, когда друзей больше не находят – их только теряют.

Ошалевшая парочка влюбленных, забравшаяся в заросли, чтобы заняться любовью, смотрит на то, как я спускаюсь с дерева.

– Я сейчас, не буду вам мешать, – говорю я им, отряхиваясь и поправляя волосы после сна.

У меня нет ни цента денег, нет оружия. За мной наверняка охотится вся полиция штата. У меня даже нет белья – джинсы надеты на голое тело. Во всем Бэйсин-Сити нет человека, к которому я могу обратиться за помощью. Конечно, есть Лора, но я не знаю, где она живет, не знаю номера ее телефона. Бедная девочка, она наверняка видела, как меня преследовал Роберт Грэй, и ничем не могла мне помочь. Это одно из самых страшных ощущений, когда видишь, как погибает близкий тебе человек, но ничего не можешь сделать.

Однако все это мелочи. Я должен спасти своего сына, чего бы мне это ни стоило. Но до этого мне предстоит долгий путь. Не в смысле времени или расстояния – с этим я справлюсь. А в смысле страданий и возвращения в прошлое, куда мне совсем не хочется погружаться.

Я иду в то самое место, откуда и начались мои страдания. На Дагон-стрит, туда, где располагалась чертова лавка чер-

това ювелира. Я знаю, что стало с этим помещением после убийства. Его вместе с квартирой на втором этаже купил Роберт Грэй. Он свято уверен, что именно там я спрятал бриллиант. А куда же еще я мог добраться с пулей в животе? В какой-то мере он прав, но не совсем. Я уверен, он проверил каждый квадратный дюйм, но ничего не нашел, потому что искал не там, где надо. Я сильно постарался, чтобы бриллиант не попал ему в руки. Если кто и заслужил получить его, так это я и Самюэль, но никак не Одри. Она убежала первой, как только поняла, что полиция на подходе, а вот Самюэль задержался.

Да, я еще не сказал, что после того, как я очутился в тюрьме, Одри вышла замуж за Роберта Грэя. Если следователь забирает у вас свободу и все остальное, что ей сопутствует, не сомневайтесь – он заберет и шикарную женщину, которую вы считали своей. Да, моя Одри – теперь жена бывшего следователя, отправившего меня за решетку пожизненно. Я не виню ее за это. Такова женская природа.

Десять лет я не был в этом месте. Теперь тут не лавка, а шикарная квартира в два этажа с роллетами на окнах. У меня нет желания встречаться с Робертом второй раз за день, но я уверен, что его сейчас нет дома. Он носится по городу со своими головорезами, разыскивая меня. А потому эта квартира в данный момент – самое безопасное место во всем городе. Смотрю на окна второго этажа. Там, за задвинутыми шторами, я вижу силуэт Одри. Она курит, выпуская дым в

приоткрытую фрамугу.

Я понимаю, что Роберта сейчас нет дома. У него нет времени, чтобы нежиться в постели с Одри, а у меня оно есть. Вдавливаю пуговку звонка. На втором этаже недокуренная сигарета летит в окно и падает к моим ногам, подняв фонтан искр. Одри открывает мне, даже не спросив, кто пришел в столь поздний час.

– Я знала, что ты придешь. – Женщина обвивает мою шею так, словно мы виделись последний раз не десять лет тому назад, когда она убежала, даже не поцеловав меня, умирающего, а вчера. – Роберта нет дома, он сломя голову ищет тебя по всему Бэйсин-Сити.

– Вот мы и встретились вновь, Одри, – произношу я, подхватывая ее на руки.

Мы занимаемся сексом в спальне наверху. Одри в этом смысле ничуть не изменилась. Она трахается с ходу, не дав одуматься, не дав прийти в себя. Разве что стала более изощренной, позаимствовав практику у своих любовников. Мне не хочется думать, что она переняла из любимых ухищрений Роберта. Даже тут я не могу разойтись с ним. Жизнь крепко нас связала.

Обессиленный, я лежу возле Одри – она курит в постели, глядя в потолок. Ни слова о бриллианте, ни слова о прошлом, словно этого и не было в нашей жизни. И я не напоминаю о том, что было. Будто не существовало вовсе Самюэля и ювелира, будто не придет сюда, рано или поздно, Роберт.

– Одри, ты по-прежнему любишь меня? – спрашиваю я, хотя, по большому счету, об этом она должна была спросить меня.

– Ты не почувствовал этого в постели? – удивляется она.

– Одри, ты любишь трахаться. Я это знаю. Ты трахалась с ювелиром, трахаешься с Робертом, но...

Она прикладывает палец к моим губам, и все начинается снова. Мы уже не можем думать ни о чем другом – только о сексе. Это полет к звездам и возвращение на землю. В это время звонит мобильник. Не мой, разумеется. Одри, не останавливаясь, подхватывает его и подносит к уху. Она продолжает вводить меня в свое по-прежнему шикарное тело. Голос ее звучит естественно и непринужденно.

– Да, дорогой. Мне одиноко без тебя. Когда ты вернешься?..

У меня появляется чувство мести. Я, лежа под Одри, ускоряю движения. Мне важно, чтобы она кончила именно во время разговора с мужем. Так и происходит.

– Скучаю без тебя. Целую. – Она ожесточенно жмет кнопку мобильного и протяжно стонет, слезая с меня.

– Ты мстительный, – шепчет она. – Не дал мне накричаться всласть.

Сил больше нет. Одри умеет выпивать жизненные соки. Но и я умею забирать их у женщин.

– Я люблю тебя, – шепчет Одри.

– Не знаю, что и сказать в ответ. Если бы ты не убежала

из лавки первой, даже не поцеловав меня – раненого, – то я бы сказал, что и я люблю тебя.

– Давай не будем о прошлом. У нас есть будущее. Скажи мне, где бриллиант, и мы с тобой реализуем мечту. Я брошу Роберта, и мы уедем далеко-далеко, где станем счастливы. Мы будем жить на берегу теплого моря и каждый вечер заниматься тем, чем занимались только что.

Одри умеет уговаривать.

– Бриллиант не в квартире, – говорю я.

– Тогда где же? – спрашивает Одри, прижимаясь ко мне разгоряченным после секса телом.

– Если бы ты не убежала из ювелирной лавки первой, даже не поцеловав меня на прощание, ты бы знала правду.

– Разве я не поцеловала тебя?

– Ты забыла, а я помнил это десять долгих лет. Но все равно я простил тебя. Ты должна была спасти свою жизнь. А вот Самюэль задержался возле меня, хотел помочь. Мне недоставало пары секунд, чтобы открыть сейф, и я сумел это сделать, несмотря на ранение. Бриллиант, как ты и говорила, оказался внутри. Я отдал его Самюэлю, поскольку сам не мог идти и меня неминуемо взяли бы копы. Мы договорились, что он сбережет камень до моего возвращения. А если вдруг случится так, что Самюэль попадет в передрагу, то он должен будет проглотить бриллиант, чтобы копы не нашли, а я потом мог забрать его из могилы. Так и случилось. Копы обложили Самюэля в его квартире. Стрельба была невероят-

ная. А потом его похоронили на Первом городском кладбище. Так что бриллиант в его могиле ждет меня.

– Марти, – шепчет Одри, – так почему мы с тобой лежим? У нас есть возможность заполучить бриллиант и стать богатыми. Уехать из этого проклятого Богом Бэйсин-Сити. Купить себе виллу у теплого моря и до конца своих дней любить друг друга.

У меня другие планы относительно последних дней, но я соглашаюсь.

– Ты права, Одри.

Мы одеваемся и выходим во двор.

Щетки на стекле машины работают, сметая капли дождя. Одри за рулем, я рядом с ней. До кладбища путь недалекий. Всего десять минут езды.

Высокие каменные кресты, семейные гробницы. Мы идем с Одри по кладбищу. Тучи проплывают над нами, осыпая дождем. Я не знаю, где точно могила Самюэля. Мы блуждаем, пока наконец не утыкаемся в конец аллейки. Перед нами невысокий дешевый крест, и под ним на плите надпись: «Самюэль Крик» – и годы короткой жизни.

– Бедный Самюэль, – шепчет Одри.

Но я понимаю, что на уме у нее другое. Ей не терпится раскопать могилу. Это не сложно. На кладбище всегда можно найти инструменты. Из ближайшей часовни-усыпальницы я приношу заступ и лом. Лезвие лопаты врезается в заросший травой холмик. Мокрая земля летит во все сторо-

ны. Не проходит и получаса, как заступ утыкается в крышку гроба.

– Извини меня, дружище, – шепчу я.

Одри подает мне лом. Я втыкаю его между крышкой и гробом. Слышится отвратительный скрежет. Крышка сваливается в сторону.

– Что там? – Одри нагибается над ямой.

– Сейчас посмотрим.

Я сажусь, не выпуская из руки заступа, шарю во внутренних Самюэля, мысленно прося у него прощения. От него осталось совсем немного. Скелет да сбившиеся в комки остатки плоти.

– Вот, я нашел! – кричу я, поднимая над могилой сжатый кулак.

Одри опускается на корточки, чтобы посмотреть поближе. Но я знаю – это только уловка. В этот же момент из зарослей появляется Грэй, у него в руках лопата, и он готов ударить меня лезвием по голове. Но я готов к такому повороту событий. Я знал, что Одри сдала меня своему мужу. Я наношу удар первым. Он приходится в шею. Кровь хлещет из раны. Роберт, не успев попрощаться с женой, падает в могильную яму. Думаю, Самюэль будет не против, что в дальнейшем рядом с ним будет лежать тот, кто испортил нам всем жизнь. Вот и все, могила присыпана землей. Закапывать ее нет смысла. Одри обнимает меня.

– Это не я. Он заставил меня...

Я ей уже не верю. Ни одному слову не верю, даже если она мне скажет, что один плюс один будет два.

– Идем отсюда, – говорю я.

Одри изображает из себя полную покорность.

– Покажи мне бриллиант, – говорит она мне, когда мы уже идем к выходу с кладбища.

Я разжимаю кулак и показываю ей пустую ладонь.

– Я знал, что ты сдашь меня Роберту, – говорю я, – я предвидел, что ты сдашь меня ему.

– Он заставил меня.

– Нет разницы. Бриллианта в могиле не было. Самюэль не успел его проглотить. Нам его больше не найти. Давай прощаемся прямо здесь и разбежимся.

Но Одри упрямая женщина. Она обнимает меня и щекотно шепчет на ухо:

– Пошли ко мне. Роберт нам уже не помешает, а полиция хватится его не раньше чем к утру. К утру многое можно успеть.

Тут я с ней согласен. «Дворники» метут стекла, смахивая с них тяжелые капли дождя.

И снова мы в бывшей лавке ювелира. Одри льнет ко мне, как мокрый лист к стеклу.

– Но ты же знаешь, где бриллиант, – шепчет она. – Теперь ничто не помешает нам быть вместе.

Мы опять оказываемся в постели. Одри, только что потерявшая мужа, в ударе. Обессиленные, мы лежим и смотрим

в потолок. За окнами все еще темно.

– Ты сможешь сделать так, чтобы выпустили под залог Тони? – спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ. Но я должен спросить.

– Нет, – произносит Одри. – Вот если бы бриллиант был у нас, тогда – другое дело.

После этого говорить нам не о чем. Делаю вид, что засыпаю. Засыпает и утомленная любовью Одри. Я выскальзываю из-под одеяла и, как есть, абсолютно голый, спускаюсь вниз. В помещение бывшей ювелирной лавки, откуда и начались мои несчастья. Я не люблю вспоминать ту ночь, но теперь все произошедшее стоит перед моими глазами так, словно это происходит прямо сейчас.

Я остался возле сейфа один. Одри, а за ней и Самюэль, убежали. Вот-вот должна приехать полиция. Рана в животе почти не кровоточит, вся кровь выливается в брюшную полость. Если я не попаду на операционный стол, мне конец. До завтра я не доживу. Сидя, ковыряюсь в замке. Щелчок, и дверца открывается. В глубине сейфа на бархатной подушечке таинственно поблескивает гранями большой бриллиант. Беру его в руку, рассматриваю. Он мой. Скоро прибудет полиция, и мне придется с ним расстаться. Решение приходит само, словно кто-то вкладывает мне его в голову. Я подползаю к столу, беру с него небольшую бутылку минеральной воды, которую принес с собой. Откручиваю пробку и с трудом проталкиваю бриллиант в горлышко – такой он боль-

шой. Бесценный камень мгновенно «исчезает» в недопитой воде. Не зря же существует выражение «бриллиант чистой воды». Коэффициент преломления у алмазов такой же, как и у воды, – попав в нее, камни становятся просто невидимыми. Я уже слышу вдалеке завывания полицейской сирены. Я должен успеть. Ползу по ступенькам в подвал – там кладовка. Десятилетиями не крашенные стены. Сюда никто давно не заглядывал. Хлам. На стеллаже какие-то картонки. Я ставлю недопитую бутылку на виду и спешу подняться назад. Я не испачкал кровью ни стены, ни ступеньки. Когда приезжает полиция, Роберт Грэй застаёт меня сидящим под запертым сейфом...

Все это встает у меня перед глазами, когда я вновь, спустя десять лет, спускаюсь в подвал. Я уверен, что Грэй не нашел бриллиант, хотя искал его долго, каждый день. Он и купил квартиру ювелира вместе с лавкой, потому что знал – я успел где-то спрятать бриллиант. Но бутылку с недопитой водой могли просто выбросить.

Затаив дыхание, включаю свет в кладовке. Грэй искал и здесь, искал тщательно. Стеллаж пуст. На полу валяются порванные на мелкие куски картонные коробки. Я разгребаю их и нахожу свою недопитую бутылочку с минералкой. Он просто бросил ее в кучу хлама. Осторожно наклоняю. Вода стекает к горлышку, и на дне я вижу поблескивающий бриллиант. Он задерживается всего на несколько секунд, скользит и снова «растворяется» в воде.

Одри спускается на первый этаж. Я стою голый у раскрытого холодильника, в руке у меня бутылочка.

– Ты не спишь? – задает она идиотский вопрос и подозрительно смотрит на меня.

– Пить захотелось. – Откручиваю пробку и делаю несколько маленьких глотков.

Одри обнимает меня, целует, глубоко проникая языком. Она думает, что я спрятал «его» во рту. Ее руки скользят по моему телу, она изображает страсть, ощупывает все что можно, все, где я мог спрятать бриллиант.

– Я устал, – говорю я, – идем наверх.

Одри думает, что я сплю. Она прощупывает всю мою одежду, каждый шов и, конечно же, ничего не находит.

На рассвете я ухожу, прихватив с собой недопитую бутылку.

– Подумай, – говорит мне Одри, – мы можем снова быть вместе.

– Я подумаю, – обещаю я.

– Когда ты снова придешь ко мне?

– Скоро, – говорю я, хотя знаю, что не приду к ней уже никогда.

Хмурое утро, я иду по улице. Я сказочно богат, у меня есть бриллиант. Но это пока только граненый камень, его еще предстоит превратить в зеленые банкноты. Это не так просто сделать – нужно время. А у меня сейчас нет ни цента, даже сигареты не на что купить. И меня усиленно ищут.

Единственный человек, который может мне помочь спрятаться, – это Лора. Но я не знаю, где ее искать, у меня даже нет ее номера телефона. Надеюсь на удачу. Если она думает так же, как и я, то мы обязательно встретимся.

По дороге мне попадаются на глаза расклеенные по стенам листовки с моим портретом и надписью «разыскивается». А еще там написано, что любой, передавший меня в руки полиции, получит вознаграждение в двести тысяч. Неплохо они оценили мою голову.

Утренний смог заволакивает квартал. Я вхожу во двор заброшенного дома. Того самого, куда мы выбрались с Лорой из канализации после побега. Под растрескавшейся стеной на деревянном поддоне сидит она. Бедная девочка. Не побоялась провести здесь ночь. Лора срывается с места, бросается мне на шею.

– Я была уверена, что вы придете сюда, мистер Ларни. Ждала вас. Вам надо спрятаться. Вас повсюду ищут. Они даже проституткам раздали ваш портрет. Назначили за вас награду.

– Я знаю это, милая. Спасибо, что дождалась. Ты уже сказала обо мне Полу?

– Он сам узнал. Все только и говорят о вашем побеге.

– Как бы я хотел увидеть его. Но это пока невозможно. Ты должна помочь мне, детка. У тебя снова все получится. Сегодня вечером ты должна позвонить в полицию и сказать, что я прячусь на асфальтобетонном заводе в северном при-

городе. Просто позвони и повесь трубку.

– Я сделаю все, как вы сказали.

– Это не все. До этого ты должна сделать еще одну вещь.

Ты же художница, скульптор, у тебя это получится...

Я стал так осторожен, что шепчу свой план Лоре на ухо, она кивает.

– Это несложно. Я успею до вечера, – обещает она.

– Ты можешь раздобыть мне оружие?

Лора открывает свою сумочку и отдает мне револьвер. Она не так наивна, как мне казалось. Она готова была защищать себя, сидя в этом пустынном дворе. Я отдаю ей недопитую бутылку минералки.

– Если меня не станет, девочка, вылей эту воду, только аккуратно, подставив ладонь.

Она не спрашивает зачем, она мне бесконечно верит.

* * *

Ущербная луна то и дело выглядывает в разрывах низких туч. И тогда в ее неверном, призрачном свете становятся видны конструкции асфальтобетонного завода. Ажурные стальные фермы. Вышка с кабинкой оператора, кучи щебня и песка, ленты транспортеров. Завод старый, работает от случая к случаю, когда есть заказы. Тут можно неплохо укрыться, если тебя ищут копы.

Я стою на площадке, подо мной поблескивает черным зер-

калом прикрытое высоко установленным на стальных опорах навесом битумохранилище. Это что-то вроде огромного бассейна, залитого расплавленной смолой, – единственное место на заводе, где во время простоев поддерживается «жизнь». Битум постоянно прогревается перегретым паром, он проходит по трубам у самого дна бассейна двадцатифутовой глубины. Если не греть его, битум застынет и потом потребуются неделя, чтобы снова растопить его.

Расплавленный битум булькает, переливается, от него исходит густой резкий запах. Я не знаю, какая там температура. Но явно больше, чем у кипящей воды. Не дай бог туда упасть!

Копы появляются неожиданно. Даже для меня, хотя я знал, что они приедут. Резко вспыхивают прожекторы на мачтах. Территорию асфальтобетонного завода заливают яркий, слепящий свет. Я не успеваю спрятаться.

– Вон он! – кричит один из копов, заметив меня на площадке. – Окружаем его.

Я стреляю в ответ. Стреляют и по мне. Пули свистят, ricochet о металл. Они уже бегут по гулкой сварной лестнице, поднимаясь на вышку. Для выхода у меня – только не очень широкая стальная ферма, пролегающая над битумохранилищем, заполненным раскаленной смердящей смолой. Я отстреливаюсь и ступаю на эту ферму. Подо мной булькает, переливается битум.

Дождавшись очередного выстрела, я вскрикиваю, взмахи-

ваю руками. Копы видят, как я еще секунду вишу, уцепившись за ферму, а потом с протяжным криком срываюсь. Мое тело падает в расплавленный битум, шипит, валит пар. Расплавленная смола обволакивает его, скрывает и вновь блестит, как черное зеркало.

– Вот дерьмо! – восклицает полицейский офицер.

Я слышу его, потому как в битум свалился не я, а искусно изготовленная Лорой кукла, которую она соорудила из такой же одежды, как на мне, набив ее сырым песком – вот почему шипело и валил пар.

Я лежу, распластавшись на стальной ферме, недоступный взглядам копов. Я только слышу, как они ругаются, а потом уезжают.

Все правильно. Не станут же из-за запеченного трупа беглого заключенного выкачивать все битумохранилище. Куда деть смолу? В лучшем случае дождутся, пока весь битум уйдет на приготовление асфальта, а для этого потребуется год, а то и два. Все, я для копов мертв. Больше никто не станет меня искать.

Еще несколько дней я отсиживаюсь в пригородном мотеле. Лора сняла номер, а потом ночью тайком впустила меня. Она же и привозит мне продукты. Так что никто меня не видит. Я беру с нее слово сообщить Полу, что я жив. Ведь бедный мальчик, узнав о моей смерти, потеряет последнюю надежду. Наконец, моя девочка появляется с хорошей новостью.

– Тони выпустили под залог! – шепчет она и обнимает меня крепко-крепко.

– Едем в город.

К Тони я попадаю без проблем. Старик, верный своим привычкам, на месте – в «офисе». Он рад тому, что я жив, хотя ему и жаль расставаться с деньгами, которые уже успел посчитать своими.

– Везучий ты, Топор. А я уже успел выпить за упокой твоей души – значит, долго жить будешь.

Ну, вот, теперь, наконец, я могу приехать к сыну и привезти ему деньги. Черт с ним, отдам все пятьсот тысяч с небольшим, оставив себе немного на жизнь. Ведь у меня теперь есть бриллиант. Продам его и стану богат. Надо же Полу и Лоре иметь стартовый капитал!

Лора открывает квартиру своим ключом. Взволнованный Пол выходит из гостиной. Я ставлю перед ним мешок с деньгами и улыбаюсь, на глаза наворачиваются слезы.

– Теперь все будет хорошо, – говорю я. – Обними меня.

Пол обнимает меня, я похлопываю его по спине. Какое счастье иметь сына. Знать, что ты оставил след на этой земле. И тут меня словно ударяет током в спину, трещит электрический разряд. Я теряю сознание.

Когда я прихожу в себя, то обнаруживаю, что сижу на полу, и руки мои прикованы к батарее. Я словно распят и ничего не понимаю. Потом до меня начинает доходить. На стуле лежит электрошокер, это Пол всадил мне электрический

разряд в спину, когда обнимал. Бледная Лора стоит у стены, руки у нее подрагивают, губы тоже.

– Спасибо, конечно, за деньги, отец, – говорит Пол. – Вот только операция мне не нужна. Это Роберт Грэй подкупил доктора, чтобы он поставил мне такой диагноз. Док признался мне в этом, когда бывшего следователя обнаружили в могиле Самюэля. Совесть его замучила. Жизнь ты свою, по большому счету, прожил. А нам с Лорой лишние двести тысяч за твою голову не помешают. Сейчас я вызову полицию.

– Что ты делаешь? Одумайся, – шепчет Лора.

– Я знаю, что делаю, – Пол берет трубку и тыкает в экран пальцем. – Полиция? – переспрашивает он. – Я хочу сообщить вам...

Я рвусь изо всех сил, но от этого наручники только сильнее впиваются в мои запястья. И тут гремит выстрел. Пол с простреленной головой падает на ковер. Лора стоит с револьвером в руке, из ствола тонкой струйкой стекает дым.

– Что ты наделала, девочка моя? – говорю я.

Лора трясущимися руками расстегивает наручники.

– Я не знала, он ничего не говорил мне, – шепчет она трясущимися губами.

Я прижимаю Лору к себе, глажу по волосам.

– Боже, что я натворила? Я жду от него ребенка...

Новелла 2

Стекольщик только что закончил свою работу – в двери моего офиса стоит новое стекло, такое, как я и заказывал. На матовом фоне серебрятся строгие буквы: «Джон Браун. Частный детектив». Офис, конечно, тесноват. Микроскопическая приемная, в которой с трудом хватает места для письменного стола и дивана для посетителей, а за ней расположен мой кабинет – он чуть просторнее.

В приемной обитает моя секретарша Кэт. Она тут как рыбка в аквариуме. Милая, разбитная девчонка. На нее можно положиться во всем – от варки кофе до слезки за моими подопечными. Но пока еще она не пришла. Хмурым дождливым утром мне пришлось тащиться сюда, чтобы встретить стекольщика. Офис, конечно, обходится мне недешево, зато он расположен в приличном и людном месте – напротив Медисон Холла.

Прежнее стекло не простояло и двух месяцев, его вынес собой один из моих клиентов. Не люблю распускать руки. Но этот наглец отказался заплатить оставшуюся по договору сумму лишь потому, что его жена, за которой он нанял меня следить, как оказалось, ему не изменяла. Можно было просто выставить его за дверь, денег я и так и так не получил, но не сдержался. Иногда со мной такое случается. Называю это обострением справедливости.

Если бы у меня был сын, то с ранних лет я бы каждый день говорил ему: «Когда вырастешь, даже не думай стать частным детективом». Мерзкая профессия вообще, и вдвойне мерзкая, если тебе выпало жить в Бэйсин-Сити. Приходится узнавать о людях такие мерзости, что впору разочароваться во всем человечестве. У меня пестрая клиентура – от миллионеров до проституток. И мне нет разницы, на кого работать, лишь бы платили. Обычно меня нанимают ревнивые мужья или жены, чтобы я следил за их «половинами». Чего я только не насмотрелся через подзорные трубы и объективы фотоаппаратов-телевиков. Можно сказать, я навидался всяких видов со всяких ракурсов и смыслю не только в судебно-прикладной анатомии. Когда завяжу со своей профессией, то вполне смогу написать толстую книгу о сексуальных извращениях и психических расстройствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.